

О. Р. БОРОДИН

ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ В СЕРЕДИНЕ VII в. И «ДЕЛО» ПАПЫ РИМСКОГО МАРТИНА I*

Корабль с папой Мартином I на борту пришел в Константинополь около 10 часов утра 17 сентября 654 г.¹ и пришвартовался в гавани св. Евфимии недалеко от дворца Аркадион. Лица, сопровождавшие Мартина отправились за инструкциями, а арестованный папа остался лежать на корабле на своем ложе, подвергаясь издевательствам сбежавшихся городских люмпенов. Пришли в порт и сторонники папы, в том числе и автор «*Commemoratio*», который писал: «Весь день я провел на берегу, изнемогая от скорби и любви, поскольку столь униженным видел святого мужа»². Однако никаких попыток оградить папу от надругательств, как видно, не удалось предпринять.

К вечеру в порт прибыл отряд экскувитов во главе с императорским нотарием Саголебой, и папа был перенесен в примыкающую к казарме экскувитов тюрьму Прандеария, где и содержался в полном одиночестве, «так чтобы никто в городе не знал», что он находится в этом здании³. Но сторонники папы довольно скоро выяснили место его заключения, нашли способ установить с ним контакт и даже вступили в переписку. Письма папы, поступавшие из тюрьмы, широко распространялись в анти-монофелитской среде, и благодаря этому два из них (адресованные монаху Феодору) сохранились до сих пор. В них папа описывает перипетии своего пленения и трудный путь до Константинополя, жалуется на продолжающуюся дезинтерию и полное отсутствие лекарств, высказывает убежден-

* Окончание. Начало в томе 52.

¹ Хронология пребывания папы Мартина I в изгнании и ссылке разработана В. Пайтцем. См.: *Peitz W. M. Martin I und Maximus Confessor: Beitrage zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645—668 // Historisches Jahrbuch. München, 1917. Bd. 38, H. 2/3.* Э. Михаэль предлагал передвинуть пребывание папы Мартина в Константинополе на год назад, так чтобы его прибытие в столицу приходилось на сентябрь 653 г., а отъезд в ссылку (см. ниже) — на апрель 654 г. (*Michael E. Wann ist Papst Martin I bei seiner Exilierung nach Konstantinopel gekommen? // Zeitschrift für katholische Theologie. 1892. Bd. 16. S. 375*). Однако В. Пайтц убедительно опроверг выводы Э. Михаэля (*Peitz W. M. Op. cit. S. 436—440*). Тем не менее некоторые историки, очевидно незнакомые с публикацией В. Пайтца, приняли хронологию Э. Михаэля, и потому в современной историографии сосуществуют две хронологические версии последних лет жизни папы Мартина I. Неверных датировок придерживаются, например, П. Ллевеллин (*Llewellyn P. Rome in the Dark Ages. L., 1970. P. 152 sq.*), О Бертолини (*Bertolini O. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941. P. 344—350*), Р. Хаакке (*Haacke R. M. Rom und die Cäsaren: Geschichte des Cäsaropapismus. Düsseldorf, 1947. S. 95*) и др.

² *Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae. . . // Mansi. X. Col. 855.*

³ *Ibid.*

ность в своей невинности и правильности своих вероисповедных принципов.

Друзьям папы Мартина удалось сообщить ему в тюрьму о существовании некоторых обвинений, которые ему намеревались предъявить. В частности, он узнал, что обвиняется в сношениях с арабами; в том, что якобы посылал им деньги и подарил том Библии с целью обращения неверных в христианство. Кроме того, он будто бы протестовал против наименования Девы Марии Богоматерью, так как разделял божественную и человеческую природы Христа и полагал, что Пресвятая Дева произвела на свет лишь человеческую оболочку («*creaturam et naturam humanam*») Сына божьего. В первом письме Феодору папа клянется, что не имел никаких контактов с арабами, — разве только к ним случайно могли забрести встречавшиеся прежде с папой миссионеры. Он провозглашает анафему тем, кто «не любит и не чтит» Богородицу, и отвергает все обвинения в ереси⁴. Возможно, данное письмо стало известно обвинителям папы и показало им, что понтифик располагает аргументами для защиты своей позиции: во всяком случае, на самом процессе папы Мартина мариологические проблемы не затрагивались.

Мартин I провел в заключении в Прандеарии 93 дня. В пятницу 19 декабря 654 г. он был доставлен на заседание Сената в резиденцию сакеллария, «*Nypomnesticum*» сообщает имя этого сакеллария — Вуколеон⁵. Под его председательством и состоялся суд над папой Мартином, о ходе которого пойдет речь ниже (процесс и все последующие события вплоть до высылки папы из Константинополя подробно описываются в «*Commemoratio*»).

Первым делом папе было приказано встать и отвечать на вопросы стоя. Но ослабленный болезнями старик был не в силах держаться на ногах, и потому стражникам было велено поддерживать его с двух сторон. Поскольку папа не владел греческим языком, в процессе участвовал переводчик — некто консул Иннокентий из Африки. Сакелларий начал с вопроса: «Скажи, несчастный, что плохого сделал тебе император? Обидел тебя чем-нибудь? Притеснял тебя силою?» Папа молчал. «Молчишь? — продолжал сакелларий. — Ввести обвинителей!»⁶

Ввели многочисленных свидетелей обвинения, большую часть которых составляли византийские военные командиры из Италии. Некоторые из них служили в войске узурпатора Олимпия и теперь стремились загладить вину перед императором. Разумеется, их показания были согласованы заранее и, как отмечает автор «*Commemoratio*», «предумышленны и сфабрикованны» («*praemeditatae et preparatae*»). Выслушав обвинявших, папа саркастически заметил: «Это — свидетели? Ну и порядки!» («*Isti sunt testes? Sic habet ordo!*»)⁷. Но поток свидетелей не прекращался, и папа обратился к суду: «Умоляю вас перед Богом, не заставляйте их клясться. Пусть без клятвы говорят, что хотят, а вы делайте, что хотите. Зачем нужно, чтобы клятвами они губили свои души?»⁸

Однако основное обвинение, предъявленное папе, — участие в возмущении экзарха Олимпия — было не так-то просто опровергнуть. Первым его сформулировал патрикий Сицилии Дорофей, заявивший, что папу

⁴ Ep. XIV. Mansi. X. Col. 850.

⁵ Scholion sive Nypomnesticum // PL. T. 129. Col. 685. Сакелларий — хранитель личной императорской казны. Должность известна со времен императора Зинона (474—491). См.: Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284—602. Oxford, 1964. Vol. II. P. 567—568.

⁶ Commemoratio. Col. 855.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. Col. 855—856.

«следовало бы лишить жизни, имей он хоть 50 голов, поскольку он один смутил, разрушил и отнял (у империи. — *О. Б.*) весь Запад, был искренним союзником Олимпия и смертельным врагом императора и римского государства»⁹. Это же обвинение было повторено еще несколькими выступавшими. Собравшись с мыслями, папа решился отвечать: «Если вы хотите знать правду, то скажу вам следующее: когда *tyrus* был составлен и направлен императором в Рим . . .» В ту же секунду с мест раздались негодующие крики, и папе помешали говорить. Префект города (эпарх) Троил, перекрывая шум, вскричал: «Нечего рассуждать здесь о вере, как ты пытаешься делать, — ведь и римляне и мы православные христиане!» «Если бы! — отвечал папа. — Ведь почему-то вы и здесь хотите запугать меня этой толпой свидетелей!»¹⁰.

Троил вновь обратился к обвиняемому: «Что ты за человек, если, узнав, что Олимпий злоумышляет подобное против императора, ты не воспрепятствовал ему, но, напротив, сам вступил с ним в согласие!» Спокоен и ироничен был ответ папы: «Господин Троил! В тот день, когда, как вы хорошо знаете, да и мы слышали, Георгий, бывший магистрат и монах¹¹, из военного лагеря пришел в город, и такие же дела творил, и то же говорил, — где был ты и те, что сейчас с тобою? Почему не воспротивился ты ему? Напротив, он выступал перед вами и тех, кого хотел, удалил и выслал из дворца. Потом при Валентине, который с согласия императора облачился в пурпур и воссел рядом с ним (на престол. — *О. Б.*)¹², куда вы девались? Или вас здесь не было? Почему не воспрепятствовали ему, заявив: «Не трогай того, что не принадлежит тебе!»? Так как же мог я противостоять этому человеку, если он командовал всем итальянским войском?

⁹ Патрикий Дороефей за год до этого, по всей вероятности, принял личное участие в высылке папы Мартина из Италии; как мы помним, корабль для отправки папы на Восток дождался его прибытия из Рима в Мессине на Сицилии.

¹⁰ *Commemoratio*. Col. 856.

¹¹ Не вполне понятно, о ком здесь идет речь. Незадолго до описываемых событий в составе высшей имперской знати находился карфагенский экзарх Георгий, чрезвычайно авторитетный в Африке, но он никогда не играл самостоятельной роли в Константинополе. Позволительно высказать предположение, что в текст вкралась описка, и следует читать не «Георгий» («*Georgius*»), а «Филагрий» («*Filagrius*»). Комит царских щедрот Филагрий вскоре после смерти императора Ираклия попытался оттеснить от власти его вдову василиссу Мартину. С этой целью он с согласия молодого императора Константина III решился обратиться за помощью к армии и направил на Восток для переговоров со стратигами одного из своих подчиненных — Валентина Аршакуни. Но вскоре Константин III скончался от чохотки, к власти пришла партия Мартины и ее сына Ираклеона, Филагрий был насильственно пострижен в монахи и сослан в крепость Септем на берегу Гибралтара. Тем временем Валентин Аршакуни договорился со стратигами, выступил в поход к Константинополю, сперва остановился с войском в Халкидоне, а затем вступил в столицу, расправился с Мартиной и ее сыновьями и сделался, в сущности, диктатором рядом с несовершеннолетним царем Константином II. Валентин сразу же возвратил из ссылки Филагрия. Таким образом, к последнему вполне подходит странная характеристика «*a magistratibus qui erat ex monachis*». «*Ingressus est huc in urbem a castris*» также можно отнести к нему и его покровителю Валентину, пришедшему в Константинополь с войском. Кроме того, папа мог иметь в виду заключение Филагрия в крепости (castrum) Септем. Вполне понятно, что, вернувшись в столицу, Филагрий имел возможность при поддержке Валентина расправиться с их общими противниками в Сенате. С предлагаемой версией вполне сочетается и следующая фраза папы Мартина, в которой прямо говорится о Валентине. Сведения об описанных событиях сообщают патриарх Никифор, Себеос, Иоанн Никиусский. См. подробнее: Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1915. Т. III. С. 174—181.

¹² Речь идет о попытке захвата императорского трона, предпринятой в 643 г. тем же Валентином Аршакуни. Пытаясь придать узурпации вид легальности, последний, видимо, заставил юного императора Константа II объявить себя соправителем и, в самом деле, восседал рядом с ним на престоле. Однако в столице произошло восстание, и узурпатор был растерзан толпой. См.: Кулаковский Ю. Указ. соч. Т. III. С. 189.

Может быть, это я поставил его экзархом? («An potius ego illum feci exarchum?»). Однако, вновь прошу вас, поскорее исполняйте то, что вы решили со мною сделать. Ибо ведает Бог, что вы принесете мне большое благо, если приговорите к казни»¹³.

Итак, в своем выступлении на суде папа Мартин применил эффектный полемический прием: оправдываясь, он сам перешел в наступление, обвинив Троила и сенаторов в преступном бездействии в ходе государственных переворотов в Константинополе. Мартину, конечно, помогло здесь великолепное знание политической жизни столицы, приобретенное в те годы, когда он был здесь апокрисиарием. Между тем очевидно, что, указывая на невозможность бороться с Олимпием, папа кривил душой: ведь именно до тех пор, пока Олимпий не перестал бороться с папой, его преследовали постоянные неудачи; в первую очередь папу, а не Олимпия воспринимало как своего лидера римское войско. Однако доводы папы произвели сильное действие на обвинителей: они смешались, не зная, что говорить дальше. Сакелларий обратился к нотарию Саголебе: «Есть ли еще те, кто должен нынче свидетельствовать?» Саголеба отвечал: «Есть, господин; еще — во множестве». Опрос свидетелей продолжился. Но теперь папа более не молчал, а, напротив, решительно опровергал даваемые против него показания. Не выдержав, сакелларий закричал переводчику: «Зачем переводишь то, что он говорит? Не смей повторять, что он говорит!»¹⁴ Затем, прервав заседание, отправился к императору доложить о ходе процесса и узнать, что следует делать дальше.

Папу же тем временем вывели во двор и поставили посредине под охраной солдат на виду у толпы. Вскоре сакелларий получил необходимые инструкции, и Мартина потащили на ипподром, где должна была теперь состояться церемония его низложения и поругания. На ипподроме собрался Сенат; трибуны заполнили толпы горожан. Папу поставили в центре ипподрома, как отмечает источник, «таким образом, чтобы император мог видеть из окна триклиния, что произойдет дальше»¹⁵. Из императорского триклиния вышел сакелларий. Он приблизился к Мартину и вскричал: «Видишь, к чему привел тебя Господь, передав в наши руки! Вот покинул ты Бога, и Бог покинул тебя!» Затем подозвал экскувита и приказал лишить Мартина знаков папского достоинства. С папы сорвали облачение («псахион») и изорвали его в клочья, с ног сняли особые сандалии («кампаги») ¹⁶. Сакелларий обратился к Троилу: «Возьми его, господин префект, и четвертый немедленно», и призвал толпу проклинать Мартина. Но, очевидно, большинство присутствующих испытывало сострадание к папе. Из толпы раздалось лишь несколько разрозненных выкриков с проклятиями. Папу передали в руки палачей, которые быстро раздели его донага, привязали к шее железную цепь и потащили по улицам города, неся перед осужденным обнаженный меч. Предполагалось, что толпа будет издеваться над опозоренным понтификом, но, как отмечает автор «Commemoratio», вели себя так лишь немногие ¹⁷.

Мартина приволокли в преторий и временно поместили в камере с уголовными преступниками, а спустя час перевели в другую тюрьму — «custodia Diomedis», где он должен был провести свои последние часы. Измученный папа был не в силах подняться по лестнице; стражники втащили его за руки и бросили на скамью. К тюрьме пришли единомышлен-

¹³ Commemoratio. Col. 856.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. Col. 856—857.

¹⁶ См.: Glossarium Modiae et Infimae Latiniratis // Ed. Du Cang. P., 1845. Т. IV. P. 497 (Psachion); Ibid. P., 1842. Т. II. P. 58—59 (Campagi).

¹⁷ Commemoratio. Col. 857.

ники папы Мартина и стали просить допустить их к нему с тем, чтобы перевязать ему раны, одеть его и покормить. (Напомним, что стояла зима.) Но лишь одного мальчика-клирика допустили в темницу. Жена и дочь охранника, имевшие ключи от камеры, хотели помочь папе, но опасались начальника стражи. Однако, дождавшись момента, когда начальника вызвали из здания по какому-то делу, жепщины принесли в камеру тюфяк, переложили на него узника и укрыли одеялом.

Прошло несколько часов. Мартин ожидал казни. Между тем судьба его еще не была решена; император колебался. Вечером в тюрьму явился его посланец — кубикулярый Григорий. Он приказал расковать Мартина и немного покормить, а затем попытался даже приободрить приговоренного: «Скажу. — *О. Б.*), чтобы ты не изнемог от мук: мы уповаем на Господа, что ты не погибнешь»¹⁸. Папа в ответ лишь застал.

А на следующий день произошли события, резко изменившие ситуацию и нуждающиеся в специальном комментарии. В своей резиденции в эти дни лежал при смерти константинопольский патриарх Павел, рьяный поборник монофелитства, проклятый Мартином на соборе 649 г. Назавтра после экзекуции на ипподроме император Константин II навестил больного и рассказал ему о том, как был наказан мятежный папа. Умиравший патриарх просил проявить к несчастному милосердие, и василевс дал ему такое обещание. В тот же день папе сообщили, что он останется в живых¹⁹.

Не следует ставить визит кубикулярия Григория к папе Мартину в связь со встречей императора и патриарха Павла. В единственном источнике, в котором описываются эти события, прямо говорится, что император имел беседу с патриархом на следующий день после суда над папой, а Григорий был к нему прислан в тот же день вечером²⁰. В таком расположении событий есть своя логика. Неправильно было бы считать, что патриарх убедил Константа II пощадить пленника, которого сам император однозначно решил казнить. Василевс не мог не знать, что у папы немало сторонников в столице. Он был хорошо информирован о ходе судебного разбирательства в Сенате и понимал, что объективно судьи потерпели поражение в полемике с подсудимым. Он видел на ипподроме, что издевательства над больным стариком вызвали неодобрение народа. Становилось все более очевидно, что задуманная казнь папы не только не укрепит авторитет власти, но будет способствовать ее дискредитации. Император уже искал другое решение проблемы, и просьба патриарха Павла была лишь последним аргументом в пользу пересмотра приговора.

В общих чертах Константин II представлял себе, что следует делать. За несколько месяцев до суда над Мартином (10 августа 654 г.) в Риме был избран и утвержден в должности новый папа Евгений — незаметный и тихий клирик из числа служащих римской курии, более всего опасавшийся каких-либо конфликтов с властями или с папской пастырской. Папа Мартин в момент суда, видимо, еще не знал об этом. Император же был, конечно, досконально осведомлен о событиях в Риме и доволен тем, что смена лиц на римском престоле, формально оправданная с точки зрения правительства, но совершенно противозаконная в глазах римлян, не вызвала крупных эксцессов. Для того чтобы окончательно разрядить ситуацию, не нужно было казнить Мартина: вполне достаточно было изолировать его таким образом, чтобы он был лишен возможности оказывать влияние на события. Тюрьма в Константинополе, откуда поступали на волю его подстрекательские письма, была, очевидно, не лучшим местом для этого. Наиболее удачным выходом представлялась дальняя ссылка.

¹⁸ Ibid. Col. 858.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

Подобному решению способствовало и еще одно обстоятельство. На место умирающего патриарха Павла предполагалось поставить Пирра. Пирр, человек безнравственный и ничтожный, уже занимал патриарший престол в 638—641 гг., являлся монофелитом и был низложен в 641 г. по подозрению в политическом убийстве, а вовсе не за свои религиозные взгляды²¹. Будучи сослан в Африку, бывший патриарх имел в июле-августе 645 г. в Карфагене знаменитый диспут о «единой воле» с Максимом Исповедником, был побежден в споре и признал правоту оппонента²². Затем вместе с Максимом он приехал в Рим, был дружелюбно принят папой Феодором I, которому и представил исповедание веры, антимонофелитское по содержанию. Феодор признал в нем законного патриарха константинопольского²³. В 646 г. экзарх Платон пригласил его в Равенну. Бывший патриарх с удовольствием переехал в этот самый византийский город Италии, здесь стал всячески демонстрировать свою лояльность по отношению к центральной власти и вскоре отправил в Рим папе письмо, в котором отрекался от подписанного им в Риме исповедания веры и подтверждал свою преданность монофелитству. За это Пирр был отлучен от церкви папой Феодором²⁴, но получил возможность возвратиться на жительство в Константинополь, что и сделал. На Латеранском соборе 649 г. он был проклят вместе с патриархами Сергием и Павлом. Вновь претендуя на пост патриарха в 654 г., Пирр, конечно, имел все основания опасаться присутствия в столице папы Мартина I, знавшего все о его поведении в Италии и способного систематически его компрометировать как в письмах, так и в судебных показаниях. Тем временем в столице готовился новый процесс, на этот раз над Максимом Исповедником. Вследствие этого Пирр, конечно, был очень заинтересован в том, чтобы получить от Мартина благоприятные для себя показания, в противном же случае — в том, чтобы плененный римский папа был немедленно выслан из столицы.

Патриарх Павел умер 27 декабря 654 г. Спустя 8 дней, т. е. 3 января 655 г., в камеру к папе Мартину явился помощник сакеллария Демосфен с тем, чтобы задать узнику ряд вопросов, связанных с прошлым патриарха Пирра. Между ними состоялся показательный разговор. Демосфен начал так: «Государь наш превосходнейший император послал нас к тебе, сказав: „Вот в каком почете ты прежде находился и до какого состояния самого себя довел; никто другой тебе этого не сделал, но исключительно только ты сам!“ („tu ipse tibimet ipsi“), «Лишь от Бессмертного Царя все милости и почет», — отвечал папа²⁵. Чиновник продолжал: «Повелел тебе государь: расскажи нам по порядку, что делал здесь и в Риме бывший патриарх Пирр? По какой причине приехал в Рим: по приказу или по своей воле?» — «По своей воле», — отозвался папа. Демосфен достал текст предьявленного Пирром в Риме исповедания веры. «Каким образом написал он эту книжонку? Кто его заставил?» — «Никто, — отвечал Мартин, — по своему желанию!» — «Когда Пирр прибыл в Рим, как встретил его святой муж, твой предшественник папа Феодор? Как епископа?» — «А почему бы и нет? — прозвучал ответ Мартина. — Блажен-

²¹ Пирр подозревался в отравлении отца Константа II императора Константина III (640—641). См.: *Theophanis Chronographia* Rec. C. de Boor. Lipsae, 1885. Т. I. P. 341; см. также: *Кулаковский Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 178.

²² См. об этом, например: *Montmasson E.* *Chronologie de la vie de saint: Maxime le Confesseur (580—662)* // *Echos d'Orient.* 1910. Т. 82. P. 153. Протоколы диспута опубликованы: PG. Т. 91. Col. 288—353.

²³ *Liber Pontificalis / Texte, intr. et comm. L. Duchésne.* P., 1886. (Далее: LP). I. P. 332.

²⁴ LP. I. P. 332; *Theophanis Chronographia.* P. 331.

²⁵ Здесь и далее: *Commemoratio.* Col. 858—859.

ный Феодор еще до приезда Пирра в Рим прямо написал Павлу, что тот повел себя недостойно и захватил трон предыдущего. И когда после этого Пирр по своей воле прибыл в Рим под защиту Святого Петра, почему было моему предшественнику не принять и не приветствовать его как епископа?» — «Видно так оно и есть . . . («Vere veritas sic se habet»), — произнес сбитый с толку Демосфен. — Но от кого он получал необходимое для себя пропитание?» — «Конечно, от патриарха римского», — отвечал Мартин. — «И что за хлеб вы ему давали?» — поинтересовался чиновник. «Вы, господин мой, наверно, не знаете римскую церковь? Тогда скажу вам, что если какой-нибудь несчастный человек приходит к ней за пропитанием, то все потребное предоставляется ему; и никого не оттолкнет Святой Петр, не наделив своими дарами; так что лучший хлеб и вино давались не только ему, но и людям его. Если случилось так, что в числе страждущих людей пришел к нам достойнейший епископ, то какое же он должен получать пропитание?»

Как мы видим, характеристики, которые папа Мартин давал бывшему патриарху Пирру, вполне уважительные по форме, были уничтожающими по существу. И чиновник, ожидавший других ответов, не выдержал: «Мы заявляем, что в Риме Пирра силой заставили написать книжку! что он находился в деревянных кандалах и перенес много мучений!» — «Ничего подобного, — последовал ответ папы. — Разве только они (т. е. свидетели. — *О. Б.*) из-за какого-то страха не имеют возможности говорить правду. Здесь в Константинополе находятся многие, которые тогда были в Риме и знают, как было дело. И первый из них — патрикий Платон, кой был тогда экзархом и послал своих людей в Рим к Пирру: спросите его, не лгу ли я. Что в конце концов еще надо выяснять? Вы держите меня в своих руках, вот и делайте со мной, что хотите, ибо, по воле Божьей, это в вашей власти! По крайней мере, если вы меня четвертуете, как приказал префект, я не вступаю в общение с константинопольской церковью. Вот я: выясняйте, испытывайте, — вы обнаружите, что я благодарен Богу и предан его рабам»²⁶.

Тем и закончился допрос. Русский византист Ю. Кулаковский отметил, что разоблачения Мартина «не воздействовали, и 4 января 655 г. Пирр вновь занял патриарший престол»²⁷. В связи с этим хотелось бы высказать одно предположение. Вопрос о назначении патриархом Пирра наверняка решался не вечером 3 января; он был решен в пользу последнего задолго до того, и, возможно, еще при жизни патриарха Павла. Не случайно автор «Commemoratio» отмечает, что сам Демосфен и все те, кому впоследствии приходилось читать протокол, поражались смелости папы Мартина²⁸, причем говорит он о Пирре как о действующем патриархе. Вероятно, описанный допрос был организован не императором, желавшим получить подтверждение своему мнению о Пирре, — в таком случае василевс наверняка скорректировал бы это мнение. Допрос был организован по инициативе самого Пирра, надеявшегося получить из уст сломленного духом Мартина показания, оправдывающие претендента на патриарший престол в глазах императора. Добиться этого Пирру не удалось, и после этого он должен был сделаться наиболее рьяным поборником скорейшего удаления Мартина из столицы.

В камере тюрьмы *custodia Diomedis* Мартин I провел 85 дней. На 86-й день появился нотариус Саголеба и сообщил, что имеет приказ пере-

²⁶ «. . . fidelium servorum ejus» — аллюзия на папский титул «servus servorum Dei».

²⁷ Кулаковский Ю. Указ. соч. Т. III. С. 216.

²⁸ Commemoratio. Col. 859. Прямое указание на то, что автор «Commemoratio» «имел возможность использовать подлинные протоколы допросов папы Мартина».

везти папу в свой собственный дом, откуда его отправят в ссылку. Мартин спросил, куда именно, но это ему отказались сообщить. Папа просил оставить его в тюрьме до отъезда, но получил отказ. Находясь в доме Саголебы, незадолго до отправления, Мартин узнал, что местом его ссылки назначен Херсон. Вскоре его тайно перенесли на корабль и подняли паруса. Как отмечает автор «*Commemoratio*», сторонники Мартина лишь спустя несколько дней после отъезда папы узнали, что его нет в столице. По-видимому, именно с этой целью Мартин был предварительно перемещен в дом одного из своих мучителей. Однако по прибытии Мартина I в Херсон его константинопольские единомышленники сумели установить с ним контакт. Бывший папа отправил в Константинополь несколько писем, два из которых сохранились до нашего времени²⁹. Эти письма до сих пор остаются важнейшими источниками по истории Крыма в VII в.³⁰

Истощенный и измученный, папа Мартин I провел в Херсоне лишь несколько месяцев и скончался там от болезней и голода 16 сентября 655 г. До самой смерти он оставался врагом монофелитства и сохранял полную убежденность в правильности своей политической линии, о чем свидетельствует последнее письмо, написанное им за несколько дней до кончины (Ер. XVII).

Папа Мартин I был одним из наиболее значительных деятелей римской церкви в эпоху раннего средневековья. Приняв на себя роль лидера ортодоксального христианства как на Западе, так и в пределах самой империи, он с успехом проводил самостоятельную религиозную политику в условиях разрыва с Константинополем. Его соратники и союзники, в том числе и греки (Максим Исповедник, Стефан из Доры), признали в эти годы его политическое лидерство³¹. Практически Мартин I стал виднейшим продолжателем политической линии папы Григория Великого (590—604)³². Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения, что трагедия папы Мартина явилась следствием его «попыток сохранить верность как Риму, так и Константинополю»³³. Несомненно, что в конфессиональном плане о верности ортодоксального папства монофелитской Византии не приходится говорить. Но еще важнее то, что папа Мартин осмелился бросить Константинополю политический вызов. За многие десятилетия он был первым римским понтификом, занявшим папский престол без императорской ординации. Блокировавшись с узурпатором Олимпием, он впервые в истории римской церкви добился независимости от империи и сохра-

²⁹ Ер. XVI—XVII. Mansi. X. Col. 861—864. Следует предположить, что до нас дошли не все письма. Автор «*Commemoratio*» указывает, что папа писал из Крыма о своих невзгодах, причем «не только о страданиях телесных, но и о притеснениях со стороны местных жителей и правителей. . . видимо, по указанию правящих в Византии» (Ibid. Col. 860). В сохранившихся письмах папа не высказывает подобных предположений и не жалуется на притеснения властей.

³⁰ Их русский перевод и комментарий, а также сведения о пребывании папы Мартина I в Крыму, его погребении в Херсоне и о посмертном культе папы Мартина как одного из «таврических чудотворцев» см.: Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173—190.

³¹ Burn-Murdoch H. The Development of the Papacy. L., 1955. P. 288.

³² Дополнительным доводом в пользу такой оценки может служить и то обстоятельство, что папа Мартин в разгар монофелитских споров не забывал об укреплении власти римской церкви на христианском Западе. Помимо упоминавшегося письма к епископу Аманду, в этой связи следует указать на грамоты, в которых он принимает под юрисдикцию римской курии ряд монастырей во Франкском королевстве, предоставляя им значительные иммунитетные привилегии. См.: PL. T. 87. Col. 205—212.

³³ Falco G. La Santa Romana Respublica: Profilo storico del Medio Evo. Milano; Napoli 1954. P. 152.

нял ее в течение четырех лет. Его арест, осуждение и ссылка стали первым звеном в цепи религиозно-политических процессов над противниками монофелитства в Византии (самым значительным из них был суд над Максимом Исповедником в 656 г.). Объективно эти процессы не только не способствовали укреплению монофелитства, но дискредитировали это учение в глазах большей части верующих, приближая его неизбежный крах. Для римской же церкви расправа над Мартином I имела особое значение, превратив его в папу-мученика, в один из сакрализованных символов самоотверженности в борьбе за церковную и политическую самостоятельность папства.³⁴

---

³⁴ Автор «Commemoratio» отмечает: «Он стал образцом для подражания всех, кто решил и предпочел жить во благе и бороться за него» (Commemoratio. Col. 861). При раскопках церкви Santa Maria Antiqua в Риме была выявлена фреска с изображением папы Мартина, написанная в правление Иоанна VII (701—705). См.: *Grisar H. Una vittima del despotismo bizantino: Papa S. Martino (649—654/655)* // *Civiltà cattolica*. Roma, 1970. Т. LVIII. P. 656. Таким образом, уже спустя несколько десятилетий после смерти он входил в число наиболее популярных и почитаемых римских пап.